

E.J. Vercher Garcia, N.S. Makeeva. El Coco and His Friends: The Past and the Present in the Mythology of Spanish Children

Keywords: Spain, children mythology, Spanish mythology, mythic characters, etymology, folklore, folk beliefs, traditions, El Coco

The article discusses characters of Spanish children mythology, which used to be employed by adults and parents for pedagogical and educational purposes. Today this practice is on the brink of extinction in Spain, yet many of the fictional characters are still alive in the popular imagination. Drawing on a range of both written sources and interviews, the authors explore the history of these characters, their emergence and shaping, and analyze their part in contemporary everyday life.

ЭО, 2009 г., № 4

© Г. Т. Бакиева

**СЕМЕЙНОЕ ПРАВО У СИБИРСКИХ
ТАТАР В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА***

Ключевые слова: сибирские татары, мусульмане, семейные отношения, правовые нормы, сватовство, приданое, калым, наследство, опека

В отечественной этнографии накоплен значительный опыт по изучению традиционной семейной обрядности сибирских татар. Однако при исследовании истории сибирско-татарской семьи авторы практически не рассматривали ту нормативную базу, на основе которой происходило регулирование семейно-брачных отношений.

В дореволюционный период в регламентации некоторых сторон жизни сибирских татар, в том числе семейных отношений, наряду с общегражданским законодательством власти допускали применение традиционных правовых норм. Сибирские татары – мусульмане-сунниты по вероисповеданию – в семейно-брачных отношениях опирались на законы шариата, представляющие собой совокупность религиозных, нравственных, бытовых, юридических норм поведения и обычаев (Манукян 2003: 7, 8). По мнению известного исламоведа Л.Р. Сюкияйнена, шариат включает в себя три основные части – религиозную догматику, исламскую этику и так называемые практические нормы (1997: 6). Источниками шариата и мусульманского права являются Коран, изречения и деяния Мухаммеда (араб. *сунна*), аналогии (араб. *кияс*), согласованное мнение крупных правоведов и богословов (араб. *иджма*), юридические заключения высших духовных лиц (араб. *фетвы*), традиции и обычаи народов, исповедующих ислам (араб. *адат*) (Керимов 1999: 3).

Адат всегда играл значительную роль в регулировании различных вопросов жизни сибирских татар, в том числе семейно-брачных. Обычаи существовали до принятия ислама, а ислам, как справедливо подметил К.Д. Давлетшин, дал им собственное толкование и оказал существенное влияние на их содержание. Адат, возникая в определенной среде, дополнялся установками и правилами шариата, который, в свою очередь, тоже опирался на народные обычаи (Давлетшин 2002: 268).

Гульсифа Такнолловна Бакиева – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории социально-исторических исследований Института проблем освоения Севера СО РАН; e-mail: gulsifa-bakieva@yandex.ru

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 07-01-0006а.

Поскольку в Российской империи брак рассматривался как религиозный акт, решение важнейших семейно-брачных вопросов власти отдавали в руки представителей основных конфессий. В 1789 г. по указу Екатерины II в России были созданы два окружных мусульманских управления: Таврическое, учрежденное в г. Симферополе, под названием Магометанское духовное правление, и Оренбургское, учрежденное в г. Уфе, под названием Магометанское духовное собрание. Таврическому духовному правлению были подведомственны мусульмане, живущие в Таврической и Западной губерниях, Оренбургскому – мусульмане остальных губерний и областей, в том числе и татары, проживающие в Сибири. Оренбургскому Магометанскому духовному собранию передавались дела, связанные с заключением и расторжением брака, о неповиновении детей родителям, о нарушениях супружеской верности, о спорах по завещаниям и при разделе наследства. На протяжении XIX – начала XX в. решение этих дел находилось в непосредственном ведении мусульманского приходского духовенства. Право решать брачные дела в приходах было подтверждено Положением от 5 мая 1811 г., а дела о неповиновении детей их родителям Положением 1830 г. Апеллировать по таким делам можно было, обращаясь в Оренбургское Магометанское собрание (В память 1891: 24, 28). Департамент духовных дел иностранных исповеданий в постановлении от 14 марта 1900 г. вновь подтвердил право мусульманского духовенства рассматривать и решать семейные дела "по правилам своей веры" (Климович 1936: 59).

Несмотря на значительную роль шариата, государство все же не устранялось от управления семейно-брачными вопросами. Законы Российской империи регламентировали браки между православными и нехристианами (в том числе мусульманами). Согласно закону, такие браки не признавались действительными. Оговаривалось следующее: если жена или одна из жен мусульманина переходила в христианскую религию, то брак мог оставаться в силе, но с условием, что муж даст обязательство "*...имеющих родиться от них с того времени детей, ни прельщениями, ни угрозами, не приводить в свой закон и жене своей поношения и укоризны не наносить. Состоять с принявшей крещение, во все время ее жизни, или доколе продолжается брак, в единобрачном сожителстве, откинув прочих жен, если имеет*". Если принимал крещение мужчина, который имел несколько жен, он должен был выбрать из них одну, преимущественно обратившуюся в христианскую веру. Если при этом ни одна из жен креститься не пожелает и муж не изъявит согласия жить с некрещеной, то ему дозволяется вступить в новый брак с православной (Сборник материалов 1906: 4–6).

По уставу духовных консисторий брак православного лица с иноверным не признавался действительным "*доколе не совершится в православной церкви православным священником*". Перед заключением такого брака священник должен брать от иноверного лица показание в следующей форме: "*Нижеподписавшийся (аяся) (звание, имя, фамилия, вероисповедание) сим удостоверяю, что, вступая в брак (звание, имя, фамилия) православного исповедания, в воспитании обоего пола детей от сего брака буду поступать согласно с законами государства Российского, то есть буду крестить и воспитывать их в православной вере*" (Там же: 13).

Браки мусульман с лицами, исповедующими евангелическо-лютеранскую веру (протестантами), разрешались на следующих условиях: чтобы бракосочетание совершалось только евангелическо-лютеранским проповедником и по обряду "сей церкви"; чтобы мусульманин (-ка) обязывался (-лась) "*подпиской пред Консисторией крестить и воспитывать детей в евангелическо-лютеранской вере; ни угрозами, ни обольщением не будет стараться совратить супругу или супруга или детей своих в свою веру и не будет препятствовать им в свободном исповедании христианства*". И сверх того, супруг мусульманин должен отказаться от многоженства (Там же: 7, 8).

Мусульманское духовенство в сельских приходах не было однородным. При соборных мечетях состояли обычно: хатыб (от араб. *хатиб* – проповедник), имам (от араб. *амма* – руководить, предводительствовать – руководитель общей молитвой) и муэдзин

(маязин) (от араб. *му'аззин* – призывающий на молитву) или азанчей (от тур. *азанчи* – провозглашающий *азан* – призыв на молитву), при простых мечетях – имам и муэдзин. В обиходе сибирские татары, как и другие народы, исповедующие ислам, любого служителя мечети называли *мулла* (от араб. *маула* – владыка). В юртах Бегишевских и Второвагайских Вагайского р-на Тюменской обл. бытовало название *муллака*. Из числа сельского духовенства выделялись потомки шейхов – *ших-мулла*. Они следили, кроме прочего, и за святыми местами (ПМА 1).

Имам выступал как духовный руководитель, глава мусульманской общины. Имамы вели метрические книги, куда вносили записи о рождении и смерти прихожан, а также имена супругов, родителей и свидетелей, время и главные условия бракосочетания, фиксировали расторжение браков, причины и основания разводов. Один экземпляр метрических книг посылался в Духовное собрание, а другой находился в мечети (Сборник законов 1899: 3). При этом власти следили за тем, чтобы мулла выполнял религиозные требы и делал записи по ним только в отношении своих прихожан, не вмешиваясь в дела других приходов. Как видно из дел Оренбургского Магометанского духовного собрания, иногда такое происходило. Мулла д. Себеляковой Исак Мухаметдинов был отстранен от должности "с отображением от него метрических книг" именно за то, что венчал лиц не своего прихода (ЦГИА РБ. Д. 1085. Л. 94, 102 об.).

Духовное собрание мусульман регулировало также межэтнические браки. Согласно нормам шариата, разрешались браки мусульман (мужчин) с христианками и иудейками (*Керимов* 1999: 134). Женщинам-мусульманкам запрещалось вступать в брак с иноверцами (*Барковская* 2001: 31). Были строго запрещены браки мусульман с язычниками, если жена или муж оставались в прежней вере. Духовное собрание подтвердило это специальным циркуляром от 14 января 1889 г., где было предписано всем подведомственным духовным лицам "воздержаться на будущее время от совершения браков мусульман с язычниками" (Сборник циркуляров 1905: 33–34).

При совершении браков и разводов приходское духовенство пользовалось инструкцией, составленной 29 января 1841 г. муфтием Абдулвахидом Сулеймановым, которая сохраняла силу закона вплоть до октября 1917 г. (Там же: 5). Хотя законодательство признавало брак религиозным установлением, тем не менее были приняты некоторые общие правила, обязательные для всех вероисповеданий: возраст, свободное согласие брачующихся и согласие родителей (*Шимановский* 1910: 52). Согласно законам Российской империи и нормам шариата, брачный возраст для юношей определялся с 18 лет, девушек – с 16 лет (Сборник циркуляров 1905: 5). Хотя верхняя граница брачного возраста не была обозначена, не допускался брак с женщиной, которая не могла иметь детей по старости (*Торнау* 1866: 8).

Брак с точки зрения мусульман есть обязательство между лицами различного пола, составленное по правилам шариата и имеющее целью супружеское сожитие (Там же: 131). Препятствиями к совершению брака считались кровное родство, родство по кормилице, свойство. Запрещался брак с двумя сестрами одновременно. Если такие браки все же заключались, то они должны были расторгаться с возложением уголовной и материальной ответственности на провинившихся лиц. В частности, женщина возвращала мужчине имущество, выделенное ей при заключении брака (араб. *махр*; тур. *мехр*) (Там же: 150–151).

По канонам ислама брак мог заключаться только по сватовству. У сибирских татар в XIX – начале XX в. такая форма брака была самой распространенной. Он включал в себя несколько этапов. Первый этап – сватовство (сиб. тат. *теляу*), когда сват (сиб. тат. *сауцы*) делал предложение от имени жениха. В роли свата у сибирских татар выступал отец, родственник или односельчанин жениха, но обязательно красноречивый и бойкий на язык человек, который в сопровождении других родственников отправлялся в дом невесты. Обычно сват выпускал одну штанину поверх сапога, показывая тем самым причину своего прихода. Начиная разговор на отвлеченные темы, сват

вскоре переходил к цели визита, которая выражалась в иносказательной форме: "У нас голова, у вас – клеть" (сиб. тат. "*Баи пэснэн, кэлэт сэснэн*") или "С меня голова, с вас сабля" (сиб. тат. "*Баи миннэн, кылыч сестэн*"). Сват всячески восхвалял жениха, его родителей, их материальное состояние. Считалось неприличным давать согласие сразу. Обычно сват приходил до трех раз, прежде чем получал согласие родителей девушки (ПМА 1). После этого назначался день сговора (сиб. тат. *ярашу*), на котором обсуждались условия предстоящего брака, в том числе обговаривалась сумма калыма (тюрк. "остаток" – одна из форм брачного выкупа). Договор о калыме назывался *гакыд* (от араб. *акд* – двустороннее соглашение о взаимных обязательствах), его заключение являлось основным действием при совершении брака. Именно с момента совершения *гакыда* брак считался совершившимся, а жених и невеста становились законными мужем и женой. При этом было необходимо присутствие не менее двух правоспособных свидетелей мужчин или одного мужчины и двух женщин мусульманского вероисповедания. Только после заключения договора о калыме проводился религиозный обряд бракосочетания (араб. *никях*; сиб. тат. *хотьба*). Мулла, читая молитву, должен был удостовериться в том, что жених и невеста вступают в брак по взаимному согласию. У сибирских татар, согласно обычаю, от имени молодых отвечали родители и свидетели (араб. *вакиль* – свидетель). Это же подтверждалось правилами, принятыми Духовным собранием 29 января 1841 г., в которых отмечалось, что "имамы при совершении браков... обязаны узнавать о желании невесты опосредованно, через свидетелей, и только после этого должны приступить к совершению брака" (Азаматов 1999: 129). О том, что у сибирских татар молодые вступали в брак без принуждения, свидетельствуют описания исследователей. Например Г. Громов отмечал, что "принуждения в женитьбе у них нет нисколько, а особливо женского полу. Почему отец невестин, коль скоро последует сватовство, при собрании родственников и сторонних людей, спрашивает оную люб ли ей жених, и охотно ли она за него идет? Согласный ее ответ все дело решит..." (Громов 1797: 179–180).

Помимо брака по сватовству у сибирских татар существовали и другие формы: 1) брак путем насильственного похищения невесты (сиб. тат. *кыс урлау*); 2) брак "убегом" (сиб. тат. *кацып цэгү*); 3) сватовство малолетних детей; "колыбельный сговор" (сиб. тат. *балалап алу*); 4) брак, заключенный по обычаю левирата (сиб. тат. *балдыз алу*); 5) брак, заключенный по обычаю сорората (сиб. тат. *есналяп бару*).

Насильственное хищение (кыс урлау) встречалось среди сибирских татар значительно реже, чем "похищение" с добровольного согласия девушки (кацып цэгү). В одном из описаний похищения невесты у сибирских татар, относящемся к началу XX в., говорится следующее: "После того, как родители жениха и невесты поговорят и решат свадьбу, жених с товарищами приезжает в дом невесты. Они просят пустить их переночевать, так как заблудились в дороге. Во время пребывания в доме невесты молодые люди выбирают удобную минуту, хватают девушку и мчатся в деревню жениха. Родители невесты, хотя отлично знают, зачем приезжал жених, однако притворяются рассерженными и посылают погоню. Жениха задерживают поселяне, требуя плату за пропуск. Для этого жених запасается платками, лентами и различными мелочами, которые бросает в толпу. Едва успевают молодые скрыться в доме жениха, как является погоня, и отец невесты требует дочь. Тогда молодая выходит и говорит, что желает остаться у мужа. После этого отец требует выкуп. Кончается все это пиром" (Сно 1904: 27).

Малолетних детей у сибирских татар сватали для того, чтобы калым вносить постепенно, частями.

Обычай левирата (брак с вдовой умершего брата) и сорората (брак с сестрой умершей жены) был обусловлен главным образом экономическими причинами. В случае ухода из семьи вдова уносила с собой приданое. Чтобы этого не допустить, один из братьев умершего женился на ней. Кроме того, это давало возможность вдове воспи-

тивать своих малолетних детей в полноценной семье (*Цмай и др.* 1998: 55). По данным Ф.Т. Валева, левират встречался только среди богатых татар, более распространенным явлением был сорорат (*Валев* 1993: 143). Этот обычай одобрялся общественным мнением: считалось, что родная сестра "не обидит" детей (ПМА 1).

В конце XIX – начале XX в. у сибирских татар девушки не вели затворнического образа жизни. Бытовали особые виды взаимопомощи (сиб. тат. *омэ*) для мытья потолков, прядения, вязания сетей, изготовления и тканья мешковины, распространенные преимущественно среди молодежи. Эти работы проводились поочередно у всех девушек селения. Разновидностью таких посиделок были совместные трапезы в доме одной из девушек аула. На угощение (сиб. тат. *уртак аш* – букв. "еда в складчину") приглашали и молодых парней селения. Такая трапеза заканчивалась песнями, плясками, играми. Иногда на молодежные развлечения приезжали юноши из других татарских селений (Там же).

Имеются материалы, свидетельствующие о том, что у сибирских татар решающим условием при вступлении молодых в брак было мнение родителей жениха и невесты. Например, в "Очерках народного юридического быта" за 1888 г. читаем: "У татар-мусульман... замуж девиц выдают нередко за таких мужчин, которых они вовсе не знают и никогда не видали, лишь бы, по практическим расчетам родителей, такие женихи представляли собой для дочерей выгодную партию. При таком условии нередко случаи того, что невеста смотрит на жениха с ненавистью, но родители... на это никакого внимания не обращают и тем часто создают несчастные браки" (Гражданское право 1888: 24). Вероятно, такие браки были распространены у состоятельных татар.

В некоторых группах сибирских татар при выборе брачного партнера учитывалась тугумная принадлежность. Тугум – это группа родственников, происходящих от одного предка (*Еремин* 1972: 409). Так, у "заболотных" татар бытовал запрет вступать в брак с членами своего тугума до 7-го колена (*Бакиева, Квашин* 2002: 129).

Согласно правилам, изданным Оренбургским Магометанским духовным собранием от 22 мая 1893 г., приходские муллы должны были в метрических книгах указывать имена брачующихся, родителей и дедов каждой стороны, сословие, к которому они принадлежат, возраст, имена свидетелей и где они проживают. Также в метрику вписывались лица, внесшие брачные деньги, т.е. калым, причем сумма калыма обозначалась прописью. Имам записывал и ту часть калыма, которая оставалась невыплаченной (Сборник циркуляров 1905: 97, 98)

Как известно, шариат разрешает каждому мусульманину иметь до четырех жен. Однако, как свидетельствуют материалы, сибирские татары редко брали больше двух жен. Во-первых, материальное положение отнюдь не каждого правоверного позволяло платить калым за несколько жен и содержать их. Вторую причину можно объяснить поговоркой, распространенной среди татар: "Лучше две собаки во дворе, чем две жены в избе". Многоженство получило распространение в основном среди состоятельных слоев мусульманского общества. По данным Первой Всероссийской переписи 1897 г., по две жены имели Тюменский и Тобольский окружные ахуны (ахун – перс. "наставник" – высший сан приходского духовенства) Аптрахман Усманов Расиев и Мултасип Ниясов (ГУТО ГА. Ф. 417. Оп. 3. Д. 1815. Л. 492), указной мулла юрт Вагайских Тобольского у. Мавлют Ниясов (Там же. Оп. 2. Д. 484. Л. 64). В юртах Ембаевских Тюменского округа в конце XIX в. многие бухарцы, в основном занимавшиеся торговлей, имели по две жены. Среди них владельцы кожевенных и мануфактурных лавок Кабир Муртазин, братья Мирхасим и Мирхайшар Миршановы, а также владельцы мелочных лавок Ахметшарип Кутчаков, Абдул Минаф Кутчаков и другие (Там же. Оп. 2. Д. 1813). В юртах Матияровских по две жены имели торговцы кожами Рахим Кирей Матияров, Хайритдин Абайтуллин, Кармышак Абайдулин и торговец лошадьми Мухамет Имам Мухаметаминов (Там же. Д. 1814), а в юртах Ново-Шабанских торговцы кожами Мухамет Якубов, Ашмен Айнуллин и владелец лавки по

торговле сырыми кожами и пушными меховыми товарами Валик Ильчигулов (Там же. Д. 1815). А вот у Мусы Юлташева, жителя юрт Иртышатских Тобольского округа, основным занятием которого являлось земледелие, было сразу три жены (Там же. Д. 490. Л. 12).

Женщины не всегда мирились с таким положением, что подтверждается заметками очевидцев конца XIX в. В частности, отмечается, что "жены вечно ревнуют мужа к другим женам и между ними и мужем из-за этого происходят вечные ссоры, а иногда и драки" (Гражданское право 1888: 25). Возможны и более драматичные ситуации, как это демонстрирует, например, случай, произошедший в 1816 г. в д. Ашеванской Тарского округа. Из дела следует, что Асиба Мурзалеева принесла "объявление" Саргатскому опекуну, в котором жаловалась на своего мужа Айтбагу Аллабердиева. Женщина сообщала, что, прожив с мужем 10 лет, "прижила детей в хорошем с ним поведении и в порядочном житие", а затем он взял вторую жену. После этого "стал мне делать великое притеснение, и ежедневно почти бить... беспричинно". Как видно из материалов дела, столь резкое изменение отношения к первой жене произошло не без участия родственников второй жены. В своей жалобе Асиба сообщала, что мать второй жены распространяла ложные сведения о том, что Асиба "якобы родила в девках ребенка и задушила", и также участвовала в ее избиении. Данное дело рассматривалось сначала волостным опекуном, а затем Тарским земским судом. Опекун, в силу данных ему полномочий, взял подписку от Аллабердиева в том, что "он своей жене Асибе истязаний никаких чинить не будет". Однако Аллабердиев продолжал плохо относиться к первой жене, вследствие чего Асиба была передана отцу "на поручительство впредь до исследования" дела. В дальнейшем Асиба Мурзалеева вышла замуж за другого татарина той же волости (ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 36. Л. 34–34 об., 60–61).

Похожая ситуация сложилась в юртах Сингульских Ялutorовского округа. Ясачный татарин юрт Больше-Акияровских Тюменского округа Мурат Атынбетев обратился 23 декабря 1828 г. к муфтию с просьбой разобраться в ситуации, возникшей между его дочерью Юмабигой и ее мужем Абтуллой Сафаровым. В своем прошении Атынбетев сообщал, что после 6 лет совместной жизни Сафаров, взяв вторую жену, стал "ненавидеть, причинять жестокие побои... причинять разные тиранства" Юмабиге. До проведения разбирательства женщина была возвращена отцу. В отличие от предыдущего дела, супруги "полнобовно примирились" (Там же. Д. 461. Л. 1–1 об.; 8).

О том, как трудно сладить с несколькими женами в доме, у сибирских татар бытовали различные истории. Вот одна из них: «Жил-был один татарин. Был он уже не молод, свято исполнял повеления Корана и славился благочестивою жизнью. Он имел трех жен. Несмотря на то, что дом его был богат добром и велик, эти три женщины постоянно ссорились и даже дрались. Однажды в морозный зимний день разыгралась буря. Как раз в это время жены благочестивого татарина затеяли такую ссору, что он не мог оставаться в избе и выбежал на улицу. Стоит бедняк, мерзнет; вихрь треплет его одежду, а из избы все доносятся крики и ругательства злых женщин. Увидел сосед старика, удивился и спрашивает: "Что ты тут делаешь в такую бурю?" – "Эх, – ответил старик, – если бы ты знал, какая буря у меня в избе, то не стал бы удивляться"» (Сно 1904: 25–26).

Каждый мусульманин, вступая в брак, обязан был выплатить махр невесте. В исторической литературе различают махр и калым. У сибирских татар эти понятия были тождественны и рассматривались как выкуп за невесту (Валеев 1993: 160). Калым – пережиток древних обычаев, сохранившийся у многих народов, принявших ислам. По словам информантов, у сибирских татар (в зависимости от местности) выкуп за невесту назывался *калым*, *мэр*, *салым*, *саум*, *пирья*. Он включал в себя определенную сумму денег; одежду, обувь, головные уборы для невесты; корову, теленка, овец на забой для свадьбы (сиб. тат. *аус елтыши*); лошадь (сиб. тат. *баи ат*) для отца невесты; отрез материи для матери невесты (сиб. тат. *ина тун*); продукты на свадьбу (мясо, мука, мас-

ло) (ПМА 1). В сборе калыма участвовали родственники, иногда не только близкие, но и дальние. Калым у сибирских татар поступал в пользу отца девушки, который, однако, не распоряжался им, а передавал все дочери (О жительствовавших 1821: 9).

Размер калыма зависел от социального статуса и состоятельности лиц, вступающих в брачные отношения. По данным Г. Громова, "у них (сибирских татар. – Г.Б.) бедняки должны заплатить одного по крайней мере рублей 30, а богачи рублей по 100, по 200 и дороже" (Громов 1798: 179). В "Статистическом обозрении Сибири" за 1810 г. находим такие сведения о сибирских татарах: "За жен они дают калым, т. е. плату, состоящую в скоте, деньгах и одежде от 20 руб. до 500 руб." (Баккаревич 1810: 116). В 60-х годах XIX в. И.Н. Юшков, описывая тобольских татар, писал, что калым устанавливался "смотря по достоинству невесты и состоянию ее отца, бывает ценой от 30 до 500 рублей серебром и более и выплачивается деньгами, скотом или товарами" (Юшков 1861). Это подтверждается и архивными данными. Например, житель д. Тусказанской Тарского округа Курман Бакин, выдавая дочь замуж за Нияса Аширова, получил калым в сумме 38 руб. (ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 1082. Л. 4). В 1827 г. татарин Ялуторовского округа Слободо-Бешкильской вол. Е. Искандеров, вступая в брак с Гульзабикой Ташбулатовой, заплатил калым "товаром и деньгами" на сумму 450 руб. (Там же. Д. 1292. Л. 1). В 1834 г. житель юрт В.-Тарманских Кашегальской вол. Тюменского округа Касмали Аитов за "девку" Канибу отдал ее отцу калым деньгами и вещами на 70 руб. (Там же. Д. 1162. Л. 1). Татарин юрт Кыштымлинских Абдрахимов за жену отдал калым в сумме 60 руб. (Там же. Д. 1087. Л. 24 об.). Имадуддин Абдуназыров, житель юрт Подъемных вол. Оброчных Чувальщиков, в 1906 г. утверждал, что калым заплатил наличными деньгами 100 руб. и на свадебные расходы "употреблено было около 100 рублей" (ГУТО ГА. Ф. 346. Оп. 1. Д. 29. Л. 5 об.).

До тех пор, пока жених полностью не доставлял все составные части калыма в дом невесты, свадьба не устраивалась. Часто с момента сватовства до свадьбы проходило от нескольких месяцев до года, а иногда и больше. В это время жених мог тайно время от времени посещать свою невесту (ПМА 1). Этот обычай получил у сибирских татар название "за пазуху ходить", "ибо в то время женихова вольность простирается только до пазухи невестинной, а не далее... Хождение за пазуху имеет ту выгоду, что жених под сим предлогом может иногда прийти к невесте врасплох; и таким образом вяще удостовериться о прямых ее качествах. Ибо ежели он приметит за нею что-либо предосудительное, и то засвидетельствовано будет другим, в таком случае без всякого шума может отказаться от нее заблаговременно, и получит обратно данную уже до того часть выкупа" (Громов 1797: 180, 182).

Иногда по соглашению сторон определенная часть калыма могла быть уплачена после свадьбы. Однако в таком случае муллы могли запретить молодым проживать вместе. Так, в 1835 г. был заключен брак между ясным татарин юрт Больше-Каскаринских Сульбухаром Абдукасимовым и Калимчаной Апутиной. В связи с тем, что Сульбухар выплатил только часть калыма, указанного в брачном договоре, ахун Тюменского округа Мавлютов вынес решение: до тех пор, пока не будет выплачен весь калым, молодые "должны препроводить жизнь порознь" (ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 1290. Л. 8). Жена также могла отказаться от сожития с мужем, если он не уплатил махр (О жительствовавших 1821: 9).

У заболотных татар часто сыновья бедных рыбаков и охотников всю жизнь оставались холостыми, не имея средств выплатить калым (Файзуллина 1997: 241). У других групп сибирских татар, в частности у тарских, в конце XIX – начале XX в., по мнению Ф.Т. Валеева, размеры калыма не были очень обременительными, "среди них в этот период редко встречались случаи нахождения холостого мужчины в женихах в течение нескольких лет из-за того, что не мог своевременно выплатить калым" (1993: 161).

Избежать уплаты калыма можно было, похитив будущую жену. Однако это могло иметь неблагоприятные последствия для похитителя. Например, житель юрт Аевских Тарского округа Сумаш Муратов обратился в Тобольский земский суд с просьбой о наказании Учкуртки Кармышакова, женившегося на его дочери Кулюстане тайно, без согласия отца. Отец девушки требовал выплатить "за бесчестие" 500 руб. и столько же за понесенные им убытки, а брак аннулировать. Муратов обвинял в преступлении не только Кармышакова, но и муллу д. Себеяковой Исака Мухаметдинова, "венчавшего" молодых (ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 1085. Л. 94, 99).

Важную роль в хозяйстве молодоженов у сибирских татар играло приданое (сиб. тат. *бирнэ*), хотя оно и не было обязательным условием брачного договора. Родители девушки, как правило, готовили его задолго до ее предстоящего замужества. Оно состояло из двух частей: скота (коровы, овец) (сиб. тат. *тэргау*) и домашней утвари (постельных принадлежностей, посуды). Вот какое приданое, к примеру, выделил своей дочери Шаиме при выходе замуж в 1833 г. майор мурза Рахматулла Кульмаметьев: "Сундук заводской длиною 1/4 аршина, окован белым железом. В нем положено: оловянной посуды 1 миска, 4 блюда глубоких, 10 тарелок осьмигранных, 10 кружек, 2 блюда больших, 2 больших и мелких, 9 медных подсвешников, 2 кувшина медных, 1 медный таз, 1 таз медный большой, 1 самовар, 12 пар чайных чашек, 6 чашек китайских, 2 чашки пенковых, 1 кошма большая, 1 персидский ковер, 1 большая подушка пуховая, 1 ситцевая занавесь, одна от серег золотая цепочка, стоящая 25 руб." (Там же. Д. 1084. Л. 7). А вот приданое, которое "инородец" Подгородной вол. Тарского у. Назир Ниясов смог выделить своей дочери Сабуре в 1835 г., не было таким разнообразным. Оно включало следующие вещи: халат, ситцевую занавесь, подушки с наволочками, 2 рубахи ситцевые, сковороду железную, два ящика (один обитый железом); всего на сумму 40 руб. 80 коп. (Там же. Д. 1288. Л. 2).

Приданое считалось полной собственностью женщины, являлось неприкосновенным, на него не обращалось взыскание по обязательствам супруга, при разводе она забирала его с собой. Кроме того, по закону не могли обращать взыскание по долгам мужа на следующие вещи супруги: женские платья и белье; половину мебели, находящейся в доме, и половину всей посуды; половину экипажей, лошадей, упряжи. Когда вещи не могли быть разделены в натуре, то они продавались, и супруга получала половину вырученной суммы (Законы о судопроизводстве 1873: 413–416).

Сама свадьба у сибирских татар проходила пышно, продолжалась несколько дней. В день свадьбы устраивались скачки, борьба, состязания в беге. "Всякая свадьба празднуется обильной едой, а также играми, пляской и свадебными песнями, которых у татар очень много. Эти песни хвалят красоту невесты и щедрость жениха. Невеста при этом часто совсем не показывается; тотчас после совершения обряда ее уводят в другую комнату, где она и сидит", – такой увидел свадьбу сибирских татар Е.Э. Сно в начале XX в. (1904: 27). Говоря о свадебных обрядах у сибирских татар, исследователи отмечают высокую степень вариативности (Валеев 1993: 141–142; Шарифуллина 2002: 144). Наши полевые материалы также показали, что практически в каждой деревне бытовали свои специфические черты проведения свадебных ритуалов.

В исламе сформировалось очень строгое отношение к прелюбодеянию. По нормам шариата за него было установлено наказание в виде ста ударов плетью. По законам Российской империи с 1837 г. за прелюбодеяние вводилось светское наказание в виде ареста от 3 до 14 дней, распространявшееся и на мусульман. Прежде чем применить арест, предусматривалось использование более мягких видов наказаний: наложение духовного покаяния либо 40-дневный пост (Уложение о наказаниях 1916: ст. 1585). На "общественной сходке" д. Тусказанской Бухарской вол. Тарского округа 5 мая 1832 г. рассматривалось дело о "прелюбодейной жизни" казака Ишмамета и Айжи Сеитовой по жалобе мужа Айжи, бухарца Нияза Аширова. Виновным в прелюбодеянии было

назначено наказание в виде 39 ударов лозами, которое должно было производиться на сходке (ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 1082. Л. 2–2 об.).

За аналогичное преступление, совершенное в 1839 г., татары Тарского округа Ниясбагин и Чубарова получили наказание в виде 40-дневного поста. Кроме того, требовалось, чтобы они "каждодневно привносили всем пред богом чистосердечное раскаяние: мужчина в мечети, а женщина у приходского муллы в день по три часа" (Там же. Д. 1287. Л. 5–5 об.; 7).

Брак по мусульманскому вероучению считается священным и не может быть расторгнут без основательных причин. Супругов наставляют употребить все возможные средства для сохранения брака, если появилась опасность его распада. В отличие от христианского закона, в исламе женщины и мужчины равноправны в вопросах о расторжении брака.

Для разрыва брачных отношений весомыми считались следующие причины: отказ одного из супругов от мусульманского вероисповедания; длительное безвестное отсутствие мужа; отказ от содержания супруги и детей; наличие умственных и физических недостатков (острые душевные и некоторые другие болезни). Например, длительное отсутствие супруга служилого казака Мавлютова в течение 15 лет стало поводом для того, чтобы его жена Рахилия вышла замуж за другого – Абцалила Абдрахманова. Когда и Абдрахманов уехал "для обучения в Челябинский уезд, где пробыл 5 лет", Рахилия вышла замуж в третий раз – за Мамыкова (Там же. Д. 1087. Л. 6, 24 об.–25).

Жестокое обращение мужа также могло стать причиной для развода, но чаще вкупе с другими обстоятельствами. Так, в 1888 г. в Оренбургском Магометанском духовном собрании рассматривалось прошение дочери татарина юрт Баишевских Карымжана Якубова о разрешении ей вступить в новый брак. Как указывалось, "по случаю жестокого обращения с нею мужа Махмутова и недоставлении ей в течение 7 лет средств к содержанию" (ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 10. Д. 46.)

Согласно фетве муфтия А. Сулейманова 1841 г., основанием для развода могло быть заключение брака против желания невесты (Сборник циркуляров 1905: 6.) Веской причиной, по которой женщина могла быть инициатором развода, была неуплата оговоренной суммы калыма. Показательным является дело 1823 г. по прошению ясачного д. Шайтановой Тюменского округа Мурата Байбакова. Он жаловался на то, что жена Рабига, воспользовавшись отсутствием мужа, уехала от него к своему отцу. Байбаков хотел ее вернуть, но тесть Ирик Тохташев дочь не отдал, а зятя "вытолкнул из дому". Выяснилось, что Мурат не выплатил калым в назначенное время, в связи с чем мулла развел эту пару, хотя и без согласия мужа. Рабига же вышла замуж за ясачного татарина из юрт Варваринских Мурса Аллоярова (ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 155. Л. 6–6 об.). Родители часто поддерживали дочь в бракоразводных делах, а иногда выступали зачинщиками разводов. Например, как видно из дела, которое рассматривал в феврале 1838 г. ахун Тобольского у. Абдулсалим Абдулвалиев, родители "татарской девки" юрт Уватских Гулии Атаевой воспрепятствовали продолжению брака дочери с ее мужем, жителем юрт Тукузских Гибади Сабанчиным (Там же. Д. 459. Л. 1.)

По шариату практикуется 4 вида развода: 1) окончательный (араб. *баин*); 2) развод по правилу возвращения мужа к жене (араб. *раджаа*); 3) развод путем подкупа мужа женой (араб. *хаал*); 4) развод посредством отречения (араб. *мубарат*). У сибирских татар имели место все виды развода, хотя арабская терминология почти не употреблялась.

При разводе баин муж мог вернуть свою жену только путем заключения нового брачного договора. Такой развод считался окончательным. Женщина могла вернуться к своему прежнему мужу только после того, как выйдет замуж за другого мужчину и разведется с ним. Окончательным считался также развод: для вдовы в возрасте

старше 50–60 лет; если муж не имел близких отношений с женщиной, с которой заключил брачный договор; если муж троекратно произнес формулу "Ты мне не жена" (араб. *талак*) (Керимов 1999: 111–112).

Раджаа в буквальном смысле не является разводом. Этот термин означает "возвращение", когда муж, дав жене развод, раскаялся и изъявляет желание возвратиться к ней или вернуть ее к себе. Но раджаа, по канонам ислама, можно использовать не более двух раз. При восстановлении брака назначался новый махр.

Хаал практиковался в случаях, когда жена хотела покинуть мужа, откупившись от него махром либо суммой, превышающей его. О бытовании развода хаал у сибирских татар говорит, в частности, следующий пример. В Тюменском у. в 1835 г. ахун рассматривал дело казака Измаила Алеева о разводе с его женой Кобяковой. Измаил Алеев наносил побои жене и дочери, а также и теще. Жестокое обращение мужа вынудило Кобякову обратиться к духовным и светским властям, и для того, чтобы получить развод, Кобякова заплатила 100 руб. (ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 1291. Л. 1–2; 9).

Развод мубарат осуществлялся с обоюдного согласия супругов, но инициатива исходила от мужа, требующего за согласие на развод вознаграждения. Последнее не могло превышать махр. Из материалов дела 1839 г. видно, что Мегурбана Саликова, уходя к другому – Сулейману Чураеву, для того, чтобы получить развод от своего мужа Рахмангулова, вернула калым. Муж дал подписку, в которой он от жены отрекается и дает ей развод (Там же. Д. 720. Л. 1–3 об.). При разводе хаал и мубарат договор о разводе оформлялся с точным указанием вида развода, суммы и способа вознаграждения супруга (Барковская 2001: 34).

Особенность развода по шариату в том, что супруги в течение трех месяцев (араб. *идда* – срок, за который определялась возможная беременность, для установления отцовства) оставались под одной крышей, и если между ними возобновлялись супружеские отношения, то вопрос о разводе отпадал. Муж должен в период *идда* содержать жену (Цмай и др., 1998 : 63). По данным архивных материалов, у сибирских татар и мужчины и женщины после развода часто вступали в повторные браки. По шариату ограничений в числе повторных браков не было.

В принятых Оренбургским Магометанским духовным собранием правилах от 24 июня 1897 г. относительно детей, оставшихся после развода родителей, отмечалось, что мать имеет право воспитывать своих детей – сыновей до 7-летнего возраста, а дочерей до достижения ими периода половой зрелости – при наличии следующих условий: а) при жизни отца, когда он в разводе с матерью детей, или после его смерти; б) если она сама изъявит согласие на воспитание детей; в) если она не замужем за лицом, состоящим в такой степени родства к детям, в которой дозволяется брак такого лица с детьми.

При отсутствии этих условий право и обязанность воспитывать детей (доставлять средства для их содержания в любом случае) принадлежат отцу, а в случае его смерти – деду детей (Сборник циркуляров 1905: 126).

Особое место в семейном праве сибирских татар занимал институт опекунства. Назначение опекунов и попечителей находилось в ведении сельского общества и осуществлялось на основании правил, изложенных в гражданских законах, хотя и позволялось руководствоваться своими обычаями (ГУТО ГА. Ф. 332. Оп. 2. Д. 19. Л. 37 об.). Согласно этим правилам, действовавшим в конце XIX – начале XX в., опекуны, преимущественно из ближайших родственников, назначались обществами к малолетним, не достигшим 17-летнего возраста и оставшимся после смерти одного или обоих родителей. При жизни одного из родителей опекун не мог быть отстранен обществом от своих обязанностей, если он благонадежен и хорошего поведения. Лица, состоящие под опекой, находились в полном повиновении опекунам и должны были относиться к ним как дети к своим родителям. Опекуны, в свою очередь, должны были относиться к опекаемым как к своим детям и могли распоряжаться имуществом опекаемого лица по

своему усмотрению, но без разрешения общества не могли отчуждать, закладывать что-либо из имущества опекаемых. По достижении опекаемым возраста 17 лет ему предоставлялось право самому избрать себе попечителя и распоряжаться своим имуществом лично, но под надзором и руководством попечителя. Общество могло не утвердить избранного попечителя, если признавало его неблагонадежным. После исполнения 21 года опекаемый получал полные права.

Назначая опекунов и попечителей, сельский сход составлял общественный приговор, оценивал и описывал имущество. Например, Якушевский сельский сход Кашегальской вол. Тюменского у. произвел опись и оценку имущества после смерти Бектимаса Кубякова и выбрал его сыновьям Абульгасану и Ахматулле опекуна Айтуллу Сульгугарова. В общественном приговоре указывалось, что опекун "поведения хорошего и имущество не растратит". Опекун, в свою очередь, дал письменное обязательство: "Означенное в этом приговоре имущество взято в таком состоянии, как оно написано и обязываюсь таковой хранить впредь до совершеннолетия сирот Бектимасовых" (ГУТО ГАТО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 5. Л. 40–41).

Общество должно было ежегодно производить проверки действий опекуна, по которым составлялись письменные приговоры. В каждом волостном правлении велась книга "О сиротских опеках", где указывались фамилия и имя подопечных, имя их матери, стоимость движимого и недвижимого имущества опекаемых, количество денег, хранящихся в учреждении, и номер сберегательной книжки. В отдельных графах указывались опекун, а также лицо, у которого опекаемый проживал; "пользуются ли сироты наделом и ведут ли самостоятельное хозяйство", "когда последний раз проверялось действие опекуна", "не замечено ли злоупотреблений по опеке при проверке". К примеру, на 1 мая 1910 г. по Карагайской вол. в книге отмечены по одной опекаемой семье в юртах Тебендинских и Ильтяковских – Аптрахимовых и Сарыповых. В первой семье зафиксировано трое детей – Харис 13 лет, Аптрашит 9 лет, Аничамал 18 лет. Мать детей умерла, и сироты жили у опекуна Аптулбака Ильчибакиева. Имущество движимое было оценено в 25 руб., а недвижимое – в 20 руб. Действия опекуна проверялись 20 февраля 1910 г., в ходе проверки злоупотреблений замечено не было. Во второй семье подопечных детей также было трое: Сабит 6 лет, Набис 7 лет и Сабита 3 года. При этом с ними показана их мать Сулишта Курманалиева. По Бухарской вол. за этот же год опекаемые числились в юртах Миримовских, Исеневских, Саусканских, Сузгунских, Медяньских, Комаровских, Вагайских, Ишаирских. Как видно из документов, во всех случаях дети проживали вместе с матерью, если она была жива, даже если вступила в новый брак. Лишь в тех случаях, когда оба родителя умерли, опекаемые проживали с опекуном (ГУТО ГА. Ф. 346. Оп. 1. Д. 41. Л. 29 об., 37–43, 65 об.–66).

Действия опекуна находились под контролем всего общества, каждый член которого был обязан доводить до сведения начальников о его предосудительных распоряжениях. В случаях подозрения на неправомерные действия волостное правление производило учет и проверку действий опекуна и предъявляло результаты на рассмотрение сельского схода. Так происходило, например, в деле, начатом по заявлению Вахита Атанаева Ченбаева в декабре 1916 г., который предложил произвести учет действий опекуна вследствие того, что тот "заботится о том, чтобы извлечь себе выгоду", "некоторые ценные вещи увез к себе", "ездит на лошадях малолеток, не щадя таковых" и т. д. В ответ на заявление Ченбаева волостной старшина в присутствии опекуна Челябиндина Шарафетдинова, понятых, жалобщика произвел учет имущества сирот Гульминавар, Мухамет-Начипа и Аптул-Мучипа Канафиевых Ченбаевых и взял "отзыв" опекуна. В результате было вынесено решение, что "имущество сирот Ченбаевых находится в целости и нет злоупотреблений со стороны опекуна", а жалобу Вахита Ченбаева оставить "без последствий" (ГУТО ГА. Ф. 346. Оп. 1. Д. 43. Л. 12–14 об.).

Если при проверке оказывалось, что опекуном была сделана растрата или какое-нибудь иное злоупотребление, то общество должно было отстранить этого опекуна и назначить нового, а о проступках сообщить в вышестоящие органы.

С точки зрения шариата отец и дед являлись естественными опекунами и никем не назначались, но по духовному завещанию родственники, передавая имущество малолетним, могли назначать опекунов из посторонних лиц даже при жизни отца или деда несовершеннолетних детей. Мать детей могла быть опекуной по завещанию. Если не было родственников, духовные лица общины назначали опекунов по своему усмотрению.

При вступлении в наследство сибирские татары опирались на нормы обычного права. В шариате довольно подробно разработаны правила наследования. Признавалось два вида – по закону и по духовному завещанию. Преимущественным правом при наследовании по закону пользовались родственники по мужской линии. Если наследниками оставались дочери, им отдавалась половина всего имущества, другая же половина отдавалась либо отцу, либо брату или другому близкому родственнику умершего. Матери полагалась при оставшихся сыновьях шестая часть, а если детей не было – третья часть, остальное отдавалось другим родственникам умершего. Женам в случае отсутствия детей полагалась четвертая часть. Если у татарина было от двух до четырех жен и от всех у него были дети, то после смерти его имущество распределялось между сыновьями по равным частям, дочерям – вдвое меньше, чем доля сыновей, а жены получали восьмую часть на всех. Родители умершего при наличии у него детей получали шестую часть, без них принимали все наследство (*Торнау* 1866: 89–91, 164, 166).

Открытие наследства происходило со дня смерти наследодателя. Если существовало духовное завещание, то мулла следил за вступлением его в силу, а остальное имущество поступало в раздел между наследниками по праву и по назначению. По духовному завещанию собственник мог распорядиться только третью всего имущества в чью бы то ни было пользу. Для признания законности духовного завещания требовалось, чтобы завещатель был в здравом уме. По форме допускались духовные завещания письменные и словесные. В последнем случае должно было быть не менее двух свидетелей (Там же 1866: 102–105). На практике случалось, что все имущество по завещанию переходило одному лицу. Такое завещание оставил в 1903 г. Ташмухамет Сафарбакиев в пользу своей внучки Мухинчемал Мухаметчановой. При этом сход юрт Епанчинских Вагайской вол. Тобольского у. назначил опекуном отца девочки Мухаметчана Маклютова (ГУТО ГА. Ф. 335. Оп. 595. Д. 7. Л. 8–9).

Прежде чем приступить к разделу имущества, мулла был обязан собрать сведения о том, нет ли в числе наследников малолетних и назначены ли опекуны. Российское законодательство позволяло производить раздел наследства мусульманскому духовенству только если все наследники и опекуны малолетних детей изъявляли на то свое желание. В противном случае раздел производился гражданскими лицами, которые также должны были руководствоваться нормами шариата. Мулла составлял письменный акт о разделе (раздельный акт), подписанный им и всеми наследниками и свидетелями, который передавался наследникам. Раздельный акт наследники представляли в волостное правление, а если в числе наследников были малолетние дети, документ передавался на одобрение сельского схода. Опись наследуемого имущества и раздел самого имущества могли осуществлять сами наследники либо, в случае спора, через волостное начальство. В Оренбургском духовном собрании были разработаны формы раздельного акта и тахарриджа (араб. "подписка в получении наследства") и разосланы в мусульманские приходы, подведомственные собранию, для их соблюдения всеми приходскими имамами (Сборник циркуляров 1905 : 93).

В заключение следует отметить, что особенностью регулирования брачно-семейных отношений у сибирских татар на протяжении XIX и в начале XX в. было тесное

переплетение норм обычного права, мусульманского права и российского общегражданского законодательства. Важной тенденцией, наблюдавшейся в семейном праве у сибирских татар, было расширение прав женщин. Это проявлялось в предоставлении ей права вступать в брак по своему усмотрению, в возможности быть инициатором в бракоразводном процессе и при этом в сохранении имущественной защищенности. Семейное право сибирских татар особое внимание уделяло имущественным правам супругов путем регламентации выплаты калыма (махра) и оформления брачного договора; большое место отводилось правовой защите детей (право на воспитание матерью, институт опеки и попечительства, наследственное право).

Литература

- Азаматов* 1999 – *Азаматов Д.Д.* Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX в. Уфа, 1999.
- Бакиева, Квашинин* 2002 – *Бакиева Г.Т., Квашинин Ю.Н.* Заболотные татары: социально-демографическая ситуация на рубеже XX–XXI веков // *Словцовские чтения: Матер. Всерос. науч. краевед. конф. Тюмень, 2002. С. 126–128.*
- Баккаревич* 1810 – *Баккаревич М.Н.* Статистическое обозрение Сибири, составленное на основании сведений, почерпнутых из актов правительства и других достоверных источников. СПб., 1810.
- Барковская* 2001 – *Барковская Е.Ю.* Мусульманское право и правовая культура. М., 2001.
- Валеев* 1993 – *Валеев Ф.Т.* Сибирские татары. Культура и быт. Казань, 1993.
- В память 1891 – В память столетия Оренбургского магометанского духовного собрания, учрежденного в г. Уфе. Уфа, 1891.
- Гражданское право 1888 – *Гражданское право. Очерки народного юридического быта. Вып. 1. Казань, 1888.*
- Громов* 1797 – *Громов Г.* Позорище странных и смешных обрядов при бракосочетаниях разных чужеземных и в России обитающих народов; и притом нечто для холостых и женатых. СПб., 1797.
- ГУТО ГАТО – Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив Тюменской области.
- ГУТО ГА – Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске.
- Давлетшин* 2002 – *Давлетшин К.Д.* Проблемы взаимосвязи национальных и религиозных компонентов культуры и быта. М., 2002.
- Еремин* 1972 – *Еремин Г.И.* Доисламские верования "заболотных татар" Западной Сибири (к вопросу об этногенезе) // *Вопр. истории СССР. М., 1972. С. 409–439.*
- Законы о судопроизводстве 1873 – *Законы о судопроизводстве и взысканиях гражданских (Свод законов. Т. X. Ч. 2.). Изд. 4-е. СПб., 1873.*
- Керимов* 1999 – *Керимов Г.М.* Шариат. Закон жизни мусульман. М., 1999.
- Климович* 1936 – *Климович Д.* Ислам в царской России: Очерки. М., 1936.
- Манукян* 2003 – *Манукян Ю.К.* Современное семейное право Российской Федерации и шариат. Ростов н / Д., 2003.
- О жительствовающих – О жительствовающих в Ялуторовском уезде ясашных татарах. 1821 // *Рукоп. отд. Тобольского гос. ист.-архит. музея-заповедника. КП 12888. № 69.*
- ПМА 1 – Полевые материалы автора. Экспедиция в юрты Индери, Бегитино, Вершинские, Осиновские, Тукуз Вагайского р-на; деревни Нижние Аремзяны, Наццы Тобольского р-на в 1990–1992 гг. (Тетр. 1, 2).
- Сборник законов 1899 – *Сборник законов о мусульманском духовенстве в Таврическом и Оренбургском округах и о магометанских учебных заведениях. Казань, 1899.*
- Сборник материалов 1906 – *Сборник материалов по вопросам о смешанных браках и о вероисповедании детей, от сих браков происходящих. СПб., 1906.*
- Сборник циркуляров 1905 – *Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского Магометанского Собрания. 1836–1903. Уфа, 1905.*
- Сно* 1904 – *Сно Е.Э.* Потомки Золотой Орды татары: Очерк. СПб., 1904.
- Сюкияйнен* 1997 – *Сюкияйнен Л.Р.* Шариат и мусульманско-правовая культура. М., 1997.
- Торнау* 1866 – *Торнау Н.Е.* Мусульманское право. СПб., 1866.

Уложение о наказаниях 1916 – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Пг., 1916.

Файзуллина 1997 – *Файзуллина Г.Ш.* Обряды переходного цикла у заболотных татар // Народы Сибири: Сибирский этнограф. сб. Кн. 3. М., 1997.

Цмай и др. 1998 – *Цмай В.В., Боер В.М., Гинц А.А.* Мусульманское семейное право. СПб., 1998. ЦГИА РБ – Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан.

Шарифуллина 2002 – *Шарифуллина Ф.Л.* Особенности традиционной свадебной обрядности в сельских поселениях Тюменской и Омской областей // Сибирские татары: Сб. ст. Казань, 2002. С. 144–164.

Шимановский 1910 – *Шимановский В.М.* Преступные деяния по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных и Уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Одесса, 1910.

Юшков 1861 – *Юшков И.Н.* Сибирские татары // Тобольские губернские ведомости. 1861. № 45.

G.T. Bakieva. Family Law among the Siberian Tatar in the 18th – early 20th Centuries

Keywords: Siberian Tatar, Muslims, family relationships, legal norms, engagement customs, dowry, bride-money, inheritance, tutelage

The article discusses family and marriage regulations among the Siberian Tatar in the 18th – early 20th centuries. The author points to the fact that Siberian Tatars, despite the considerable influence of Sharia norms, made use of civil laws of the Russian Empire as well. Drawing on an array of archival and other sources, she considers and analyzes a variety of institutions and customs pertaining to family and marriage matters.